

Размышления над новой книгой

©2001 г.

О.Е. КУТАФИН, Ж.Т. ТОЩЕНКО

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ ПОИСКА ИСТИНЫ, ИЛИ ЕЩЕ ОДНА РЕАЛЬНОСТЬ "КРОТА ИСТОРИИ"

КУТАФИН Олег Емельянович, ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - члены-корреспонденты Российской Академии наук.

Оригинальность исследования подчеркивается уже его названием¹. Парадоксальность заключается в том, что в общественном сознании юстиция воспринимается как социальный институт, который независимо относится (или по крайней мере должен относиться) к оценке правового поведения людей. Но так в теории. А в реальности (и это убедительно показали авторы) феномен политической юстиции в нашей стране был сформирован и существовал еще в дореволюционной России, хотя свое современное обличье политическая юстиция приобрела лишь в годы Советской власти. Она, по утверждению авторов, "функционировала как обособленная, замкнутая, достаточно отлаженная структура" (с. 4), руководствуясь "в основном ведомственными административными правилами, которые и легли в основу "юриспруденции террора". Замысел ученых состоял в том, чтобы рассмотреть "не столько в историческом, сколько в структурно-функциональном аспекте", «проанализировать юридический "механизм" карательной системы - показать, как была деформирована юридическая система страны в целях осуществления политических репрессий, в чем именно заключались нарушения законности, каковы были методы, которыми пользовались функционеры репрессивных органов» (с. 5).

Оценивая состояние научных исследований по проблемам массовых репрессий в СССР, ученые справедливо отмечают, что литература по данному вопросу достаточно обширна, но имеет существенный пробел: политическая юстиция не рассматривается в ней как единый институт в системе тоталитарного государства. В результате механизм политических репрессий в СССР оказался не в полной мере проанализированным с профессиональной точки зрения. Авторы попытались устранить этот недостаток. Убедительное доказательство тому - глава IV "Уголовное законодательство", где дан глубокий анализ принципов уголовного законодательства, исследованы типичные для периода массовых репрессий контрреволюционные преступления и суть таких институтов как объективное вменение и обратная сила закона. Не менее значима в этом отношении и глава VI "Советское процессуальное законодательство: реформы и контрреформы", где дана оценка плюсов и минусов судебно-правовой реформы начала 20-х годов XX столетия и показан процесс деградации судебной власти, начавшейся буквально через несколько лет после завершения данной реформы.

Не осталась вне поля зрения авторов и такая актуальная по сей день проблема, как доказательственная практика (глава VII). Именно здесь они показывают, что "наиболее уязвимой стороной в деятельности политической юстиции, с точки зрения законности, особенно в 20-40-е годы, было положение в сфере получения и оценки доказательств, по которым выносились приговоры и внесудебные решения". Значительный научный и практический интерес представляют разделы книги, где исследуются предпосылки возникновения политической юстиции в СССР, ее сущность, последствия

---

¹ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.

ее влияния на правотворческую и правоприменительную деятельность (главы I, II). В книге приводится обширный статистический материал, что особенно важно сейчас, когда делаются противоположные подчас оценки деятельности уголовной юстиции в СССР в первой половине прошлого столетия.

Но это не только труд юристов-исследователей. Хотя авторы в основном обращаются к юридической аудитории, их исследование адресовано обществоведам. В одинаковой степени оно представляет интерес и для социологов, и для философов, и для историков, и для политологов. А в более широком смысле - для всех читателей, которые интересуются историей своей страны. Такой специфический междисциплинарный подход связан с тем, что авторы не ограничились юридической литературой, а широко использовали работы представителей всех социальных наук, привлекли публицистические выступления, художественную литературу. Не малую роль в привлекательности этого труда играет, на наш взгляд, и та полемичность, в которой нашли отражение позиция и реакция исследователей на неоднозначные проблемы, касающиеся политической и правовой системы страны, а также сопоставление различных точек зрения и позиций по весьма спорным вопросам.

Нет необходимости пересказывать основные положения книги. Мы хотели бы остановиться на некоторых положениях, которые высказаны авторами. Их серьезно заботят причины того, почему стало возможной существование, укрепление и господство политической юстиции в СССР. В книге названы общеизвестные причины (власть одной партии, жесткая централизация государственного руководства, принудительная коллективизация, создание армии и репрессивного аппарата). Но в монографии обращено внимание и на "трагический поворот истории, в возникновении которого переплелись необходимое и случайное, коллективное и индивидуальное, государственная политика и психология отдельной личности" (с. 7). Авторы подчеркивают, что уже в 30-е годы проявил свои специфические качества менталитет большевистского руководства, воспитанного в годы революции и гражданской войны в обстановке принуждения, насилия, тотального уничтожения врага. В данной связи отмечается и роль Сталина с его маниакальной подозрительностью, коварством и жестокостью.

Но ученые не ограничиваются только этими утверждениями. Они пытаются обозначить и описать всю совокупность причин, породивших такое уникальное явление, давая пример многим скороспелым политологам (или именующим себя таковыми), которые доказывают заранее сформулированную ими цель и не озабочены поиском всех причин и факторов, на основе которых они делают соответствующие выводы. Не высосанная из пальца "истина", а истина, полученная на основе обстоятельного осмысления ранее существующих реалий: именно такой подход продемонстрировали авторы, взяв на себя тяжкий труд - ответить на вопрос о глубинных корнях, таящихся в недрах российской истории. В книге обстоятельно рассматривается ситуация, когда политическая юстиция, по большому счету, сложилась еще в условиях царской России. Более того, она совершенствовалась и во все большей мере видоизменялась в сторону репрессий; показано, как шаг за шагом юридическая политика царизма ужесточалась своей позицией, каждый раз находя повод для принятия репрессивных мер против политических противников. Авторы делают вывод, что в своей сущностной основе Советская власть во многом унаследовала то, что было заложено в предшествующей политической и правовой системе царской России и продолжала действовать так же, во многом заимствовав и восприняв методы, сложившиеся до нее (с. 29). Но это не было слепым копированием. Политическая юстиция не оставалась неизменной ни в Советской России, ни в Советском Союзе. Она постоянно укреплялась, модифицировалась, пока не выросла в феномен, занявший самодовлеющую роль в политической истории Советского Союза. Осмысляя данный феномен, авторы показали, как использовалась для этого в виде научной базы теория марксизма (учение о диктатуре пролетариата); как на этой базе формулировались политические директивы, имеющие помимо всего прочего и правовые аспекты. К политико-правовой основе они отнесли возникновение и внедрение в практику так называемого пролетарского права, выработанные на его

основе нормативные акты. Особое место в формировании политической юстиции занимала кадровая политика, которая позволила путем репрессий внутри самой юстиции привести к руководству политико-правовыми акциями новые кадры, исповедующие принципиально иные, "советские" нормы и правила. И наконец, важное место в закреплении политической юстиции заняло идеологическое, пропагандистское обеспечение, без которого вряд ли могла бы действовать столь мощно и эффективно политика репрессий. Таким образом, аргументация, используемая для выдвинутой концепции, характеризуется не только актуальностью, но и обстоятельными исторической, философской и социологической характеристиками.

Авторы затрагивают и такой важный аспект, из которого следует, что феномен насилия не может с одинаковых позиций трактоваться вне зависимости от сложившихся социально-экономических и политических обстоятельств и условий. В годы гражданской войны, активного противостояния противоборствующих сторон насилие (как во всех революциях), если нельзя оправдать, то в какой-то мере можно объяснить. Но с наступлением относительно спокойного периода такие репрессии не только не необходимы, но и отвергаются исторической практикой. К сожалению, история нашей страны не подтверждает этого: репрессии в условиях мирного развития не только не прекратились (или были сокращены), а наоборот, приобрели теоретическое оправдание в виде концепции об обострении классовой борьбы. Парадоксальность и трагизм этой ситуации состояли в том, что методы расправы с оппонентами были не только средством политической борьбы Сталина с возможными и вымышленными противниками, но и разделялись значительными слоями населения. Почему такое произошло - вопрос, который волнует исследователей, но исчерпывающего ответа до сих пор нет. В книге анализируется поведение массы работающего населения и метаморфозы интеллигенции, вплоть до ее видных представителей (М. Горький, В. Мейерхольд, Р. Роллан и др.), в той или иной мере поддержавших политику репрессий. В этой связи стоит напомнить и некоторые социологические данные - при опросе населения России негативную оценку этим репрессиям дают 57% опрошенных, считая их годами "массового террора против всего народа нашей страны", при 14% считающих, что "репрессии были связаны с чистками в партии и касались в основном политических "верхов". Кроме того, 10% опрошенных до сих пор убеждены, что "репрессии касались в основном действительных "врагов народа", и 8% респондентов считают, что "сталинские репрессии" - это миф, который раздут средствами массовой информации" (Данные ВЦИОМ. Июль 2000 г., 1600 чел.). Но в то же время только 11% отнесли репрессии 30-х годов к наиболее значительным событиям XX в. и всего 0,5% назвали их наиболее трагическим событием данного века, что заняло в рейтинге 20-е место после войн, в том числе Великой Отечественной, в Афганистане, в Чечне, путча 1991 г., Чернобыля и т.д. На наш взгляд, такая оценка резко диссонирует с мнением той части интеллигенции, которая имеет доступ к "каналам гласности", а также особенностями исторической памяти, когда дальние события ослабевают и становятся не личной болью, а неким историческим фактом, бесстрастным и отчужденным. Не малое значение имеет и то, что многие люди, особенно в сельской местности, не соприкасались с фактами репрессий.

К этому примыкает дискуссионный и не имеющий однозначной оценки вопрос о том, была ли установка на репрессии замыслом кучки экстремистов, или эта искаженная, но реальная правовая структура опирается на более широкую базу. Авторы делают весьма важный, нелицеприятный, но правдивый вывод, что немалая часть населения, особенно в начале революционных преобразований, поддерживала суровые репрессивные меры (с. 7). Иначе говоря, репрессии — акции некоторой группы маргиналов-экстремистов или это неприглядная реальность, имеющая широкую социальную базу? В попытке найти ответ на такой вопрос в последнее десятилетие появилось много домыслов о том, почему победили большевики и на самом ли деле их поддерживал народ. К прискорбию, не только в публицистической, но и претендующей на научность литературе усиленно насаждается идея коварства большевиков, которые, опираясь на

социальное дно, сломили сопротивление других политических сил и стали узурпаторами. К слову, среди авторов таких радикальных утверждений было немало тех, кто незадолго до этого утверждал прямо противоположное и, более того, пропагандировал данные идеи не только на личных встречах или в дружеских беседах, а бойко торговал ими (и довольно доходно), что нашло отражение во многих их статьях и книгах, издаваемых с особой настойчивостью вновь возникшими издательствами и большинством газет, которые заинтересованы не столько в этих идеях, сколько в высокой прибыльности от скандальности данных идей. На наш взгляд, более справедливы утверждения тех, кто считает, что одобрение, молчаливая поддержка (которые были характерны для значительной части населения, если не большинства) и есть действительная основа возможного существования и функционирования репрессивной политико-правовой системы. Этой позиции придерживаются и авторы. Марксистское утверждение роли народных масс (в данном случае общественного сознания советского народа) лучше всего объясняет такое сложившееся вопиющее противоречие. Авторы не склонны огульно поносить все и вся, в том числе и правовую систему советской страны, отмечая, что наряду со сталинской Конституцией (в которой были сформулированы далеко не худшие идеи) существовали и "относительно неплохие законы как Гражданский и Уголовно-процессуальный кодексы", что, однако, не мешало существованию "машины" внесудебных репрессий.

В монографии обстоятельно рассматриваются острые, спорные и противоречивые проблемы. Так, в научной литературе (не хочется упоминать публицистическую литературу из-за широкого распространения домыслов, нелепых догадок и просто фантазий) представлен широкий разброс мнений о количестве жертв политических репрессий в период существования Советской власти. Расхождения здесь просто удивительные и поразительные. Напомним, что, по мнению наиболее непримиримых изобличителей советского строя, таких жертв было около 60 млн. человек (считая в одном случае и погибших во всех войнах, которые-де произошли по вине большевиков), другие - 40 млн. (считая и членов семей репрессированных), третьи - 20-25 млн., исходя из простого подсчета всех репрессивных актов и решений по лишению и ограничению свободы граждан. В этой связи хотелось бы обратить внимание на выводы авторов, которые проанализировали не только статистические данные, но и аргументацию вышеперечисленных точек зрения и выявили, что многие данные включают возможные последствия репрессий, косвенные угрозы близким людям, двойной и даже тройной учет одних и тех же людей, которые (и это не только прискорбно, но и ужасно) дважды-трижды в течение своей жизни подвергались насилию. По мнению авторов, внимательный и скрупулезный подсчет позволил им утверждать, что общее число репрессированных, включая и репрессированные народы, не превышает 12-13 млн. человек. Конечно, и эта цифра ужасает своими объемами и параметрами, но она избавлена от эмоций, домыслов, конъюнктуры, от стремления добиться политических и иных дивидендов.

Для социологии, как и для юриспруденции, огромное значение имеет точка отсчета - по каким исходным теоретико-методологическим критериям судить об общественных явлениях и процессах. В научной литературе имеются различные точки зрения на этот счет. Во-первых, очень распространен (особенно в недалеком прошлом) такой подход, когда исследователь, исходя из некоторых формально-логических постулатов, конструирует свой научный анализ из заранее заготовленных схем или идеальных моделей и на этой основе пытается доказать, что происходящий в реальности процесс не соответствует этим конструкциям, и делает вывод, что в таком случае виновата сама жизнь, которая почему-то не последовала или не соответствует данным конструкциям. Во-вторых, в социологии (как и в других науках) встречаются внешне привлекательные попытки исходить из некоего идеала, который сопоставляется с жизнью. В таком случае всегда убедительное преимущество остается за идеалом и проигрывает реальность, которая не соответствовала, не соответствует и никогда не будет соответствовать этому идеалу. В-третьих, в науке (на этой позиции настаивают

авторы, и мы полностью ее разделяем) следует руководствоваться тем, что есть в реальной жизни. А в ней самым причудливым образом сочетаются правда и вымысел, насилие и терпение, высокое и низменное, дозволенное и недозволенное, истинное и ложное, действительное и вымышленное. Иначе говоря, правовая система в СССР была, с одной стороны, искажена, деформирована, полна произвола, ущербна в теории и на практике. С другой стороны, в ней существовали и противоборствующие тенденции, которые отражали достаточно правильные научные выводы, поведение части юристов, исповедующих требования соблюдения законности, повседневную практику правоохранительных органов. И в решении реального противоречия особую роль начинает играть механизм решения этого противоречия — в данном случае политическая юстиция. Но даже в ее функционировании "необходимо четко разграничивать правовой порядок и беззаконие, самоотверженность и авантюризм, ответственность и произвол. Все эти понятия и явления сложным, подчас причудливым и трагическим образом переплелись в функционировании советской правовой системы, но без их различения невозможно восстановить истину" (с. 10).

Особый интерес для нас представляют размышления авторов о том, кто являлся политическим противником. По их мнению, это, во-первых, "бывшие люди", представители буржуазных слоев, дворянства, части интеллигенции, офицерство, среди которых были не столько реальные, сколько воображаемые противники. И если непримиримые в своем большинстве проявили себя в первые годы противостояния, то в дальнейшем многие из них достаточно убежденно служили новой власти. Но их числили потенциальными враждебными силами, которые надо было убрать, что с успехом осуществлялось в целом, несмотря на некоторые отступления от этого правила в середине 20-х и в начале 30-х годов. Во-вторых, считалась опаснейшим врагом партийная оппозиция, которая наиболее ярко проявила себя в это же время. На ее разгром, как и на выдуманные оппозиционные группы, впоследствии была брошена вся мощь политической юстиции. Более того, с партийной оппозицией в своем большинстве боролись несудебными методами, обвинив многих членов партии в создании контрреволюционных и террористических организаций. В-третьих, под влиянием внешней опасности были развернуты многочисленные кампании шпионмании, борьбы с различного вида "националистами". Особый урон понесла армия, потеряв большинство квалифицированных кадров, что так тяжело аукнулось в годы Отечественной войны. Наконец, следует отметить диссидентское движение, которое в наиболее полном виде проявило себя лишь в 70-е годы и то в большинстве своем было скорее внутрисистемной, а не внесистемной оппозицией. Последнее в книге не так убедительно и доказательно. Но данный подход, на наш взгляд, имеет другую ценность, которая практически не рассматривалась авторами. На наш взгляд, существование политической юстиции исходило из одной посылки — в стране все оппонирующие силы выступали

в облике врага, которого в любом случае нужно было уничтожить. Политическая и правовая лексика не знала слова "оппонент", когда человек, силы, организации, занимающие другую точку зрения, другую позицию, не являлись противниками основных постулатов строя - они выражали лишь другой подход в решении поставленных задач. Но существующая политическая юстиция не руководствовалась этим подходом — она руководствовалась политическими директивами, которые отвергали всякую иную точку зрения, кроме той, которую выражали люди, стоящие у власти. На наш взгляд, этот вывод следует делать всем, кто занимается политической историей страны, ибо одной из причин краха СССР, его гибели стало отсутствие внутреннего импульса развития - были ликвидированы все возможные оппонирующие точки зрения не только в партии, но и в стране, что привело к "ожирению" и партии, и того слоя бюрократии, который осуществлял управленческие функции в стране. Лидеры КПСС [ВКП(б)], проповедуя такой закон диалектики, когда источником развития являются противоречия и их разрешение, на самом деле сделали все, чтобы на практике не было никакой соревновательности идей, концепций, экспериментов, поддержанных или отвергнутых жизнью.

С точки зрения философии и социологии данная книга и ее авторы дают возможность обсудить и еще раз сравнить позиции по таким не только юридическим понятиям, как роль правосознания (а оно, как показывают социологические исследования, носит чрезвычайно противоречивый и парадоксальный характер); общее и особенное в революционных преобразованиях во многих, главным образом, европейских странах; но и таких животрепещущих тем, как жертвы революционных преобразований или пострадавшие от них. Остается открытым вопрос о природе и сущности тоталитаризма, который стал модной темой многих обществоведческих исследований в 90-е годы, до сих пор не получившей достаточной аргументации. В книге немало внимания уделяется этому феномену. Но связь только с политико-правовой системой не позволяет раскрыть все многообразие и специфику данного феномена в России. А можно даже усомниться в том, насколько правильно все деформации, ущербные явления, многочисленные жертвы соотносить с тоталитаризмом. Не называем ли мы это явление другим именем, более подходящим для обозначения сущности политической системы? Например, идеократией, когда господствуют некоторые концепции, теории и взгляды, на которые насильственно ориентируют развитие страны имущие власть люди? Потому что то, что сейчас во многих работах относится к тоталитаризму, имеет слишком разную природу, содержание и структуру, будучи присущим всем без исключения формам политической власти, всем основным социально-экономическим строям - и буржуазному, и дворянскому, и социалистическому, и либеральному, и религиозному. Значит, термин "тоталитаризм" слишком неопределен, неточен, расплывчат, он скрывает в себе слишком разнородные явления и процессы.

Это можно отнести и к вопросу о трактовке сущности диктатуры пролетариата, которую авторы считают теоретической предпосылкой установления политической юстиции. Но как быть в случае, когда не было данной диктатуры, но политическая юстиция функционировала достаточно успешно в интересах буржуазного или иного общества. К этому выводу можно прийти, анализируя политическую жизнь не только латиноамериканских, азиатских или африканских стран, но и историю многих западноевропейских государств.

Многие актуальные в настоящее время проблемы, поднимаемые в монографии, в частности, проблемы предварительного расследования, прокурорского надзора, судебной власти, мер наказания неоднократно были предметом спора в ряде исследований и разработок в области уголовного права и процесса. С появлением монографии "Политическая юстиция в СССР" у нас родилась уверенность, что число дискуссионных вопросов в этой части с огромной пользой и для теории права и для практики деятельности правоохранительных органов существенно поубавится. Во всяком случае, воздействие предыдущих публикаций В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова было именно таковым. Например, мы имеем в виду книгу В.Н. Кудрявцева "Причинность в криминологии". Именно здесь автору удалось на монографическом уровне подвести черту под многочисленными спорами о причинах преступности в нашей стране, определить механизм воздействия на преступность в целях ее предупреждения. Теория причин преступности в его интерпретации была воспринята большинством научных школ и направлений в зарубежных странах. Подтверждением тому - тематика последних конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, где данные вопросы рассматривались с позиций теоретических разработок наших ученых.

Несомненным достоинством анализируемой нами книги является точный выбор времени ее издания. Бесспорно, что ее авторы имели все возможности написать и опубликовать свою монографию много раньше. И выход ее в свет, скажем, в начале 90-х годов, сразу же после распада СССР, был бы внешне более эффективным. Но с точки зрения действительно важного и полезного для развития демократического общества результата необходимо было сделать паузу, устоять перед соблазном "быть в ногу со временем". Такая пауза была сделана. Поэтому содержание представляемой книги сегодня положительно воспринимается читателями самых различных политических воззрений.